

МУЖЕСТВО

«НА СТОЛЕ лежала ее фотография, из новых, мною еще не виданная... Отличная. Измученное лицо, опущенные глаза» — строки из «Записок об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской (Книга I. 1938—1941)...

Кажущееся странным сочетание («отличный» снимок «измученного» лица) совсем не случайно на этих дневниковых страницах, опубликованных издательством «Книга» в серии «Время. Судьбы», страницах, которые и сами могут поспорить в выразительности с описываемой фотографией. «В старом макинтоше, в целопой старой шляпе, похожей на детский колпачок, в стоптанных туфлях — статная, с прекрасным лицом и спутанной серой челкой», — сколько в книге таких «моментальных снимков», запечатлевших немолодую, больную женщину в тяжкое для нее время, вынужденно обозначенное в тогдашних записях Лидии Корнеевны, ее товарища по несчастью, лишь самым скупым пунктиром: «Чем ближе подвезжали мы к месту нашего назначения, тем она становилась мрачнее, молчаливее. Выйдя из трамвая, сразу вцепилась мне в рукав».

Все было, как всегда».

Все — это «змея» очереди у окошка тюремной канцелярии, «пытка стоянием» — и неизвестность. Не говоря уж о таких «мелочах», как безденежье или небрежное замечание управдома при выдаче какой-то очередной бумаги: «Вы, кажется, были когда-то писательницей?», вполне созвучное, в сущности, печатным высказываниям коллег-литераторов: в давние времена — о «стенаниях

женщины, запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть», а в наши, всего за неделю-другую до ее нынешнего столетнего юбилея, — о том, что она и ей подобные (Пастернак, Мандельштам, Булгаков) «не получили ожидаемого, и только», «страдание они пережили не особенно глубоко» и вообще «стала очевидна некрупность этих людей». Поворачивается же язык, не краснеет бумага...

Как-то навестивший Ахматову Пастернак, уходя, «застрял в передней». «Вы подталкиваете его к дверям, а он все не уходит и продолжает произносить гениальное», — рассказывала свидетельница случившегося.

Смешной бытовой эпизод обобщается символом: теснота, выталкиваемые, поторавливаемые уйти «вовремя», художники «продолжали произносить» свое — в надежде быть услышанными хоть когда-нибудь, хоть кем-нибудь.

«...Наступило молчание. Мирно и уютно потрескивала печка». При чем тут эта идиллия? — удивится читатель. Но так в дневнике конца тридцатых годов зафиксировано первое знакомство со строфами ахматовского «Реквиема», даже вслух не произносимыми, а торопливо записываемыми поэтом для вернейшей подруги и тут же сгорающими в «уютном» пламени, греясь у которого Анна Андреевна однажды даже на колени опустилась: «Оказывается, так очень удобно стоять, а я не думала».

Однако в этой удобной позе она позволяла себе пребывать только перед печью. «Каждый

раз опять и опять удивляются моим новым стихам: они надеялись, что на этот раз, наконец, у меня окажется про колхозы».

И эта же «человечески некрупная» писательница не любила, по ее словам, «когда нынешние пятидесятилетние дамы утверждают, будто в их время молодежь была лучше, чем теперь», и не с трибуны, а в доверительном разговоре все у той же печки утверждала: «Я вообще не знаю страны, в которой больше любили бы стихи, чем наша, и больше нуждались бы в них, чем у нас». По пути же в эвакуацию не отходила от вагонного окна: «Я рада, что вижу так много России».

Трудно писать об этой книге и об Ахматовой вообще, памятуя, как она сердито предвкусывала «дурацкую морду комментатора», который выводит из сказанного «бог знает что», и всерьез негодовала на кажущуюся нам ныне совершенно справедливой оценку ее творчества собратом-поэтом: «Он ужасные вещи говорил. Представьте себе: дружишь с человеком 30 лет — и вдруг он встает и говорит, что мои стихи будут жить, пока существует русский язык, а потом их будут собирать по крупицам, как строки Катюлла. Ну что это, правда! Ну можно ли так!»

В те годы Лидия Чуковская только мечтала когда-нибудь написать об Ахматовой: «Это будет статья о мужестве, женственности, о воле, о постоянном ощущении себя и своей судьбы внутри русской культуры, внутри человеческой и русской истории: Пушкин, Дант, Шекспир, Петербург, Россия, война...»

А сама-то уже писала и писала такую книгу — ту, которая сейчас передо мной...

А. ТУРКОВ.

Известие - 1989. 1. 24 июня - с. 3